

Т.П. Буслакова

«Цветы мне говорят — прощай...» (1925)

Это стихотворение, написанное за два месяца до трагической смерти поэта, пронизано предощущением конца:

Цветы мне говорят — прощай...
...
...я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.
...
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю...

В качестве реминисцентного фона автор использует образы сразу трех стихотворений Пушкина («Я вас любил: любовь еще, быть может...», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» — 1829; «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» — 1836). Два из них написаны «ровесником» Есенина — в 1829 году Пушкину также тридцать лет. Постоянное обращение к его творчеству («Того, кто русской стал судьбой...», «Пушкину», 1924), для Есенина не случайность. Не только «могучий дар» великого поэта, но и «гордая», славная судьба делают его имя неповторимым, единственным, святым («А я стою, как пред причастием...»).

Лирический герой Есенина, глядя на увядающие цветы, так же как пушкинский герой — на «дуб уединенный», размышляет о «грядущей смерти годовщине» (образ «цветов... земли» впервые возникает в одноименном цикле Есенина <1924>). Истоком образа могли послужить пушкинские строчки:

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести...

(«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)

Есенинский герой не только «видел», но и «постиг» жизнь, благодаря чему смерть представляется ему ее необходимым продолжением, «лаской новой». Так же, как у Пушкина, у «гробового входа» он ощущает дыхание «другой» жизни, в которой «все», «каждый миг» оказывается «повторимым». Философское осмысление делает светлой его «печаль» о том, что он оставляет на земле, — об «отчем крае», «песне» и любви.

Обращение к «любимой» придает стихотворению особую проникновенность. Именно ей герой «говорит» о своих предчувствиях и размышлениях, в связи с чем они приобретают осязаемую конкретность. Думая о «повторимости» «каждого мига», он представляет себе тот, когда «придет другой», заранее, как герой пушкинского стихотворения «Я вас любил: любовь еще, быть может...», посылая свое благословение «оставленной и дорогой». Но интонационные средства раскрывают сложность, противоречивость его эмоционального состояния.

В восклицаниях («Ну, что ж!», «Не все ль равно...»), обрывистости фраз, переплетений возвышенно-поэтического («И, песне внемля в тишине...») и просторечного («Печаль ушедшего не сгложет...») лексических пластов, иногда нарушении синтаксических связей («Цветы мне говорят — прощай, //...// Что я навеки не увижу...»; «Я говорю на каждый шаг...») проявляются растерянность, боль, отчаяние, сожаление, ревность, терзающие душу лирического героя. Внимание автора сосредоточено не на философском содержании его выводов из жизненных наблюдений, а на показе мучительного процесса

внутреннего становления, результатом которого является достижение гармонии, примирение с трагизмом земного существования.

В финальной части стихотворения возникает пушкинская тема памяти. Так же, как и у Пушкина («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), о певце напоминает «лира». Для есенинского лирического героя важнее содержания и даже совершенства «песни» («Пришедший лучше песню сложит») оказывается ее «неповторимость». В ней оправдание и высший смысл мгновенной жизни «цветов... земли»:

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.